
А.А. Сычев

УДК 17.03

Прикладная этика в обществе риска

Аннотация. В статье рассмотрены различные варианты этического регулирования проблем, связанных с рисками. Описаны особенности рисков, характерных для традиционного и индустриального обществ, и базовые варианты реагирования на них: этика выживания и этика успеха. В постиндустриальном обществе индивидуальные действия способны привести к максимально негативным последствиям для всего человечества. В этих условиях необходима выработка новых вариантов нормативного реагирования на риски, отличающихся глобальностью и высокой степенью неопределенности. Поиск и обоснование таких вариантов является одной из задач современной этики. Проанализированы подходы к рискам, предложенные в основных этических программах: этике добродетели, утилитаризме, деонтологии. Показано, что они были соразмерны рискам традиционного и индустриального общества, однако в условиях «больших рисков» сталкиваются с серьезными проблемами. Для их разрешения необходима новая этическая теория, которая активно формируется в пространстве прикладной этики. Среди различных ее парадигм две крайние позиции занимают образы этики, сводящие решение вопросов либо к особенностям этической инфраструктуры организации, либо к акту свободного волеизъявления личности. Однако ни этика личного выбора, ни организационная этика не способны эффективно справиться с рисками современного общества. Инновационная прикладная этика требует преодоления как личностного волюнтаризма, так и отчуждения индивида от морального выбора. Ориентирами такой этики, как представляется, являются принцип минимизации риска в духе приоритаризма и внедрение «фронестических технологий», где, с одной стороны, происходит обсуждение теоретических норм и их конкретизация применительно к локальным особенностям, а с другой – в ходе практической реализации этих технологий очерчиваются контуры теории прикладной этики. Тенденции развития прикладной этики позволяют говорить о том, что инновационная парадигма, разрабатываемая тюменской этической школой, обладает высоким потенциалом для выработки нормативных решений по преодолению «больших рисков» современности.

Ключевые слова: прикладная этика, риск, общество риска, глобальность, неопределенность, выживание, успех, ответственность, Другой фронезис.

Риск в самом первом приближении может быть определен как «возможная опасность, угроза, вероятность неблагоприятного или неожиданного (в т.ч. положительного) результата действий или развития событий» [15, 537]. В этой дефиниции подчеркиваются две ба-

зовых характеристики, присутствующие в большинстве определений риска: нежелательность последствий и отсутствие определенности по поводу их наступления. В таком широком понимании риск – постоянный фон, на котором разыгрывается вся жизнь человечества с момента его возникновения. Подходы к риску, однако, в разные периоды времени отличались друг от друга.

Томас Гоббс, пытаясь реконструировать естественное состояние, пришел к выводу, что жизнь человека в то время изначально была «одиноким, бедным, беспросветным, тупым и кратковременным» [17, 87], а наиболее сильным чувством, определявшим его поведение, был страх перед неизвестностью и насильственной смертью. То, что сегодня воспринимается как экстремальные ситуации – засухи, морозы, наводнения, неурожай, эпидемии, войны – когда-то было неизбежной обыденностью. В таких условиях почти вся деятельность человека была направлена на самосохранение в неблагоприятных ситуациях.

На протяжении всей предистории человечества вырабатывались и закреплялись в культуре наиболее эффективные механизмы противостояния рискам и минимизации их последствий. Собственно, саму традицию можно понимать как отображение этих механизмов в ритуалах, мифах, языке, способах деятельности и т.д. Основной ценностью для традиции является выживание коллектива, ради которого можно было пожертвовать любыми другими ценностями, включая жизнь индивида. Фактически следование традиции предполагало движение по такому пути, который был опробован многими поколениями и уже в силу давности доказал свою безопасность и действенность. По этой причине традиция была обращена в прошлое, канонизируя и постоянно воспроизводя один и тот же образ жизни. Любое отступление от привычных действий несло в себе элементы риска и потому инновации жестко пресекались, даже если они потенциально сулили какие-то выгоды – например, рост благосостояния. «Докапиталистическое общество было в определенной степени организовано на идее минимального дохода – организовано так, чтобы минимизировать риск, которому подвергались его члены из-за отсталых технологий и капризов природы. Традиционные формы зависимости, взаимности, а также механизмы перераспределения могут быть рассмотрены именно с этой перспективы» [23, 9].

Традиционная культура пыталась пресечь саму возможность радикальных изменений, запретив индивиду принимать самостоятельные решения, выходящие за рамки коллективно одобренных предписаний. Человек не мог самостоятельно выбирать будущее, то есть идти на риск. Поэтому в языке традиционного общества отсут-

ствовало понятие риска, а опасности воспринимались, скорее, как проявления фатума, судьбы, которые наступают независимо от желаний человека. Отсюда основные требования *этики выживания*: держаться традиций, избегать крайностей, помогать ближним в их бедах, приспосабливаться к неблагоприятным условиям, сохранять верность своим ценностям под любыми ударами судьбы и т.д. Различные аспекты и варианты этой этики были осмыслены в конфуцианстве, этике добродетелей Аристотеля, стоицизме, христианской философии морали и т.д.

По мере развития технологий и углубления знаний об окружающем мире, человечество научилось обуздывать природные риски, управлять ими или, по крайней мере, минимизировать их последствия. При этом качество жизни человечества в целом улучшалось: стало появляться все больше сообществ, члены которых были гарантированно обеспечены набором минимально необходимых для жизни благ, или даже обладали избытком ресурсов, которыми можно было распоряжаться по своему усмотрению. В случае выигрыша (например, если средства вкладывались в прибыльное начинание), их можно было значительно приумножить, а проигрыш уже не мог поставить сообщество на грань выживания.

Будущее дает шанс тем, кто готов рискнуть: успех в индустриальном обществе способствует не тому, кто пассивно переносит удары судьбы, а тому, кто сам выстраивает свою судьбу, принимая самостоятельные решения. Человек не способен достичь благосостояния «если у него нет развитой достигательной мотивации, воли к успеху, готовности рисковать в предпринимаемом деле» [7, 128].

Индустриальное общество развернулось от прошлого к будущему, и сам риск все чаще начинал восприниматься обществом как конструктивное явление: Для общества Модерна это была «динамичная мобилизующая сила в обществе, стремящемся к переменам, желающем самостоятельно определять свое будущее, а не оставлять его во власти религии/традиций или капризов природы» [12, 40].

Таким образом, в индустриальном обществе этика выживания сменилась *этикой успеха*, в которой ценностным ориентиром стала не минимизация потерь, а максимизация прибылей. При этом общество перешло от неприятия риска к его поддержке, «побуждая и даже провоцируя на рискованный поиск новых достижений, выхода на новые рубежи (цивилизация не просто самообеспечения, а развития, технической экспансии, «покорения» природы)» [9, 265]. Элементы этики выживания продолжили воспроизводиться лишь в особо неблагоприятных условиях (в крайней нищете, изоляции) или же воз-

рождались во время экстремальных ситуаций (войн, эпидемий, голода и т.д.).

В традиционном обществе несанкционированное действие воспринималось как морально неприемлемое, поскольку оно могло поставить под угрозу существование всего сообщества. Эта угроза в индустриальном обществе ослабевала по мере того, как риск приобретал все более индивидуализированные последствия. Мореплаватель, открывая новые земли, рискует своей жизнью; предприниматель, чтобы получить дополнительную прибыль, рискует своими деньгами и т.д. Если действия рискующего и ставят под угрозу жизнь или материальное благополучие зависимых людей, то, как правило, это те люди, которые добровольно согласились участвовать в предприятии, вполне осознавая его риски – команда корабля, акционеры и т.д. В этом индивидуализированном контексте риск получает моральное оправдание и становится важным элементом этики успеха. Различные аспекты достижения успеха и роли риска в этом процессе были теоретически обоснованы в философии утилитаризма и прагматизма, в протестантской этике.

Индустриальное общество пыталось минимизировать природные риски при помощи науки и технологий, однако, в то же время, его развитие породило новые антропогенные и смешанные (антропогенно-природные) риски. В современном обществе промышленное развитие и рост потребления привели к глобализации этих рисков. Ульрих Бек утверждает, что новые риски характеризуются «глобальностью своей угрозы (человеку, растительному и животному миру) и современными причинами своего возникновения. Они в общем и целом продукт передовых промышленных технологий и с их дальнейшим совершенствованием будут постоянно усиливаться» [13, 24]. Кроме того, если раньше последствия действия в большей мере касались самого деятеля, то сегодня решения, принимаемые по ряду вопросов (особенно военно-политических и экологических) влияют на судьбы все большего количества людей (как в пространственном, так и во временном плане), а в перспективе вполне способны поставить под угрозу существование всего человечества.

Другая тенденция связана с ростом неопределенности по поводу результатов действий. В индустриальном обществе круг лиц, затрагиваемых поступком, был ограничен, положительные и отрицательные последствия поступков были, в целом, ясны, и вопрос, в основном, стоял о степени вероятности успеха или неудачи. Сегодня же единичное действие может оказать влияние на все человечество, включая будущие поколения, а результаты и побочные эффекты действий в ряде сфер могут быть совершенно непредсказуемыми.

В области так называемых NBIC-технологий возможности человечества сейчас значительно превосходят уровень знаний о последствиях их применения. Специалистам неизвестно, какие последствия наступят, когда они наступят и наступят ли вообще. При этом существуют опасения, что некоторые из возможных последствий могут оказаться катастрофическими. Примерами подобных потенциально опасных действий, совершаемых в современном мире, можно назвать редактирование генома человека, введение в культуру трансгенных растений, опыты с высокопатогенными вирусами, развитие технологий искусственного интеллекта и т.д. В этих условиях все более заметную роль начинает играть принцип предосторожности, согласно которому даже отсутствие научной определенности может стать основанием для отказа от деятельности, если ее возможные последствия являются морально неприемлемыми.

Если для аграрного общества основной ценностью было выживание, а для индустриального – успех, то постиндустриальное общество вновь оказывается перед проблемой выживания, но уже не отдельного сообщества, а всего человечества в целом. Однако в отличие от традиционной культуры у современности не существует выработанных на протяжении жизни многих поколений, проверенных временем и зафиксированных в мифах, обычаях, моральных нормах предписаний, нацеленных на борьбу с рисками. На доисторическом этапе такие предписания, по-видимому, возникали путем естественного отбора: те общины, которые не знали или не исполняли их, вымирали, деградировали либо перенимали чужие нормы. Сегодня риску подвергаются не отдельные общины, а глобализированное общество в целом, соответственно эволюционный путь проб и ошибок при выработке норм для него неприменим. Ошибка при попытке дать правильный ответ на вызовы природы ранее могла привести к гибели общины, ценой ошибки современного общества при ответе на антропогенные риски может стать гибель всего человечества.

Решения в условиях «больших рисков» требуют учитывать все релевантные проблеме факты и ценности. В ситуации, когда будущее не определено, а научные знания и новые технологии не только не помогают справиться с рисками, но сами становятся их причиной, особое значение приобретает мораль. Этика, как минимум, должна предложить человечеству базовые моральные ориентиры реакции на риски. Однако и здесь согласия по поводу этих ориентиров не наблюдается, а значит сегодня любой «акт моральной оценки несет в себе элемент риска» [2, 90].

Фактически современная этика представляет собой поле борьбы конкурирующих программ – этики добродетели, утилитаризма,

деонтологии и т.д. Различные подходы в этике акцентируют разные аспекты, связанные с риском. Утилитаризм рассматривает, прежде всего, последствия действия, деонтология – нормы, определяющие его, этика добродетели – характер человека, принимающего решения о риске.

Этика добродетели (в своем классическом виде восходящая к учению Аристотеля) была исторически первой нормативной программой, способной предложить моральные основания оценки риска. В фокусе этики добродетели – характер, который раскрывается в поступках и вырабатывается в процессе активного социального взаимодействия. Человек на своем примере или примерах других видит, какие поступки и качества осуждаются, а какие – вознаграждаются окружающими, а также какие моральные качества (добродетели и пороки) необходимы для совершения таких поступков. Характер человека определяется набором его добродетелей и пороков. Аристотель писал, что «добродетель есть сознательно избираемый склад [души], состоящий в обладании серединой по отношению к нам, причем определенной таким суждением, каким определит ее рассудительный человек. Серединой обладают между двумя [видами] порочности, один из которых – от избытка, другой – от недостатка» [1, 87].

Человек принимает решения, учитывая традицию (положительную или отрицательную реакцию общества на подобные решения других), опираясь на рассудительность (практическую мудрость, обусловленную конкретикой ситуации) и избегая крайностей (квалифицируемых как пороки). Чем более морально развитым является характер, тем рассудительнее и ответственнее поступает человек, тем адекватнее будет реакция на риск.

Для традиционного общества риски, как правило, связаны с объективными природными опасностями, на которые человек повлиять не способен. Однако он способен так или иначе смягчить последствия этих природных рисков для себя и для тех, за кого он отвечает (скажем, учитывая возможность сильных морозов, заранее озаботиться тем, чтобы запастись достаточное количество топлива). В каждом конкретном случае он должен принимать практические решения, учитывая характер риска и конкретные локальные условия. При этом разумнее всего будет ориентироваться на избегание крайностей (в случае с заморозками, крайностью будет и отказ от того, чтобы запастись топливом, и стремление запастись его как можно больше в ущерб иным, более важным для выживания запасам).

Конкретная реакция этики добродетелей на риски зависит от ситуации, однако можно выявить определенные закономерности, проявляющиеся в разных реакциях. Так, правильнее будет не риско-

вать, если опасность грозит не тому, кто принимает решение; нужно соотносить угрозу с теми выгодами, которые может принести риск; следует воздерживаться от риска с серьезными последствиями, даже если вероятность их наступления невелика и т.д. [20]. В целом, вырисовывается общая тенденция к минимизации всех возможных рисков.

Этика добродетели, опираясь на традиции и здравый смысл, задает ценностные ориентиры для реагирования на природные опасности, характерные для доиндустриального общества. Однако она не в состоянии адекватно соотносить угрозы и выгоды индустриального общества. Нормы этики добродетели не предполагают экономического развития, не совместимы с капитализмом промышленной и научно-технической революциями. Не применима эта программа к современным «большим рискам», по крайней мере, до тех пор, пока не появится единой традиции, внутри которой мог бы сформироваться целостный добродетельный характер.

Для условий индустриального общества самой адекватной системой норм представляется этика *утилитаризма*. «Эта моральная теория предлагает наиболее хорошо разработанные стратегии борьбы с риском. Хотя проблемы риска и неопределенности мало обсуждались в философском утилитаризме, другие дисциплины, такие как анализ риска и анализ риска и выгод, разработали подходы к риску, которые имеют отчетливо утилитаристскую структуру» [21, 23].

Утилитаризм оценивает последствия действий, сравнивая выгоды и затраты, выбирая те варианты, которые ведут к максимизации блага наибольшего количества лиц. Иными словами, моральные расчеты в утилитаризме совершаются по аналогии с экономическими расчетами. Собственно, само понятие риска в утилитаризме является производным от идеи экономического риска: первоначально оно «стало употребляться в банковском деле и инвестиционных операциях, обозначая анализ возможных последствий того или иного решения о вложении капиталов для кредиторов и заемщиков. Затем оно расширилось, охватывая теперь целый ряд ситуаций, связанных с неопределенностью» [16, 39-40].

Соответственно, лучше всего утилитаризм работает с теми рисками, которые можно хорошо просчитать и сравнить (как, например, в экономике и теории игр). Утилитарная этическая теория описывает множество ситуаций (таких как «дилемма вагонетки»), где точно известно, какие количественные потери и приобретения ожидаются при том или ином варианте действий. Однако очевидно, что подобного рода подсчеты являются намеренным упрощением проблем реальной жизни. Человеческие жизни, интересы будущих поко-

лений, материальные выгоды и т.д. сложно конвертировать в сопоставимые единицы и сравнить. Тем более сложно (скорее, даже невозможно) производить такие подсчеты в сложном и неоднозначном мире современности, когда нельзя даже представить, какими окажутся последствия наших действий.

Фактически для наиболее серьезных моральных проблем современного мира реальные последствия будут известны только после того, как они наступят. Не существует подходящих аналогий, например, чтобы уверенно судить, что будет более правильным: выращивание генетически модифицированных растений или отказ от них. Но и после того, как последствия наступят, их нельзя будет сравнить с последствиями альтернативного решения (как, например, нельзя сравнивать сто талеров в кармане и сто талеров в уме), поскольку реализация одного варианта действий автоматически обозначает, что второй вариант реализован уже никогда не будет. Наконец, даже если последствия будут приемлемыми, это не докажет правильность решения (если зима оказалась теплая и человек без топлива не замерз, это не значит, что его решение не запасаться топливом было правильным).

Другое возражение связано с тем, что утилитаризм с его количественным подходом не видит качественной разницы между максимизацией прибылей и минимизацией рисков: в этом контексте сделать счастливого человека счастливее равноценно тому, чтобы избавить кого-то от несчастья [22]. Однако первое, в отличие от второго, не рассматривается как моральный долг. Для разрешения глобальных проблем современности эта разница (например, между увеличением потребления населения и преодолением экологического кризиса) является решающей. Кроме того, утилитаризм, в отличие от этики добродетелей, не проводит различий между людьми, рассматривая их как взаимозаменяемых индивидов. Так, утилитаризм допускает возможность пожертвовать меньшинством ради благополучия большинства. В этом контексте применение анализа рисков и выгод приводит к решениям, порождающим неравенство в распределении рисков. Возможным вариантом ответа может стать движение в сторону приоритарианизма, но и оно радикально не решает проблемы, если не изменится общая логика утилитарных расчетов [21, 28].

Третья фундаментальная программа современной философии морали – *деонтология* – предполагает необходимость соблюдения долга, выраженного в определенных правилах (требованиях или запретах). Однако при оценке рисков деонтологическая этика сталкивается с серьезными препятствиями. Например, фундаментальной моральной нормой можно считать необходимость сохранения чело-

веческой жизни. В ситуации эпидемии у невакцинированного человека больше шансов умереть от болезни, поэтому запрет на вакцинацию можно рассматривать как нарушение этого требования. С другой стороны, вакцина может иметь побочные эффекты, в том числе летальный исход. Выбор правильного варианта действия предполагает сравнение того, какова вероятность смерти от болезни и от вакцинации, какие другие последствия могут за ними последовать, насколько сравнимы эти последствия по тяжести и т.д. В итоге деонтология, если она не желает капитулировать перед вопросами риска превращается в вариант утилитаризма, а значит сталкивается со всеми теми же сложностями, что и утилитаризм.

В целом в ситуациях, связанных с риском, все три основные моральные программы: деонтология, утилитаризм и этика добродетелей демонстрируют как определенные достоинства, так и недостатки. При этом этика добродетелей демонстрирует свои лучшие возможности в ситуациях с природными рисками, которых нельзя избежать, но можно смягчить их последствия. Утилитаризм же является наиболее адекватной теорией для оценки рукотворных рисков индустриального мира, прежде всего в экономике. Однако ни одна из классических теорий не способна успешно справиться с глобальными рисками современного постиндустриального мира: экологическим кризисом, применением технологий генной инженерии, вызовами пандемии и т.д. Для разрешения обремененных «большими рисками» проблем современной жизни очевидно – необходима новая этическая теория, которая сумела бы совместить специальное научное знание с нравственными ценностями и нормами.

Новая теория с конца XX века активно формируется в пространстве прикладной этики: там, где мораль сталкивается с новыми вызовами в сферах медицины, биологии, экономики, высоких технологий и т.д. Однако, несмотря на ряд инновационных идей и оригинальных концепций, прикладная этика до сих пор не представляет собой цельной системы знаний и ценностей, задающих четкие ориентиры для деятельности в обществе риска, а является проблемным и во многом недостаточно отрефлексированным пространством исследований и практик. В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов отмечают, что «"большой скачок" в сфере прикладной этики весьма рискован по своим последствиям: его участники чаще всего не придают должного значения основаниям идентификации современных образов "практической философии" как этики прикладной, "обходятся" без методологического анализа множественности сформировавшихся парадигм "прикладной этики"» [12, 9]. В частности, отсутствие единства в понимании прикладной этики приводит к нарушению баланса

между специальным и этико-философским знанием: прикладная этика сводится либо к техническим регламентам, либо к общим спекулятивным рассуждениям. Другой проблемой является попытка сэкономить усилия и разыграть «инерционный» сценарий, при котором старая этика, качественно не изменяясь, лишь «прилагается», «приспосабливается» к новым условиям. Однако риски современности настолько радикально отличаются от угроз прошлого, что старый этический инструментарий нельзя приспособить к ним без качественных трансформаций. Новые вызовы требуют инновационных ответов: то, что не является революционным, не обладает достаточным потенциалом для управления «большими рисками».

Современная прикладная этика, переживающая этап пролиферации теорий, выступает в виде множества несовместимых парадигм [4, 207]. Среди них две крайние позиции занимают образы прикладной этики, сводящие решение связанных с рисками проблем либо к особенностям этической инфраструктуры организации, либо к акту свободного выбора личности.

В *организационной* этике вопросы разрешаются на уровне специально уполномоченных менеджеров и экспертов с позиции стандартизированных норм и принципов, а разветвленная этическая инфраструктура организации (этические кодексы, комитеты, офицеры, контролеры) призвана обеспечить неукоснительность исполнения каждым сотрудником предписанных правил и регламентов. Ниёле Васильевне пишет: «Эта парадигма меняет подход к ряду традиционных решений моральных проблем: переносит львиную долю ответственности от индивида на организацию...; меняет отношение к героизму и героям, которые нужны, когда проблемы не решаются должным образом на системном уровне, а оставлены на риск, на “авось пронесет”, на самопожертвование субъектов деятельности; отказывается от этического обоснования “свободы выбора” в случаях существования общепринятых стандартов, норм и принципов. Только это может гарантировать овладение риском хотя бы в определенных рамках, уничтожая угрозы, исходящие от волюнтаризма некоторых персон» [14, 106].

Организационную этику можно считать в некоторой степени реинкарнацией домодерного коллективизма, определявшего поведение индивида, с той разницей, что на место коллектива здесь ставится организация. Этическая инфраструктура организации, определявшей поступки индивида, при этом становится своеобразным современным аналогом архаичной традиции. Соответственно, «естественные» системы норм и ценностей, которые ранее вырабатывались эволюционным путем, здесь заменяются искусственно сконструированными

ми нормативными актами – этическими кодексами, стандартами ответственности организации, международными декларациями и т.д.

Впрочем, при таком подходе остается вопрос о том, кто и как должен задавать базовые моральные ориентиры для выстраивания этической инфраструктуры. В обществе нет согласия в том, следует ли минимизировать риски, ускорять экономическое, научное и техническое развитие, или же искать какой-то устойчивый баланс между осторожностью и развитием. Соответственно, вряд ли можно говорить о единой, устраивающей всех системе моральных ориентиров. Кроме того, подобные ориентиры являются с необходимостью слишком общими и формальными, а значит не учитывающими специфических условий приложения. Мораль ответственности же «нуждается в формировании особого типа индивидуального морального сознания, такого, который принимает нормативные следствия того, что знание о вероятности тех или иных событий не является абсолютным и имеет динамический характер» [19, 13]. Наконец, рискованность организационного подхода связана с небрежением правами индивида, «возможностью отчуждения индивидуального морального выбора и перекладывания ответственности на этику организации» [6, 19].

На другом полюсе находится парадигма этики, ориентированная на *личный выбор*: «Новизна и специфика моральной жизни в форме открытых проблем в том, что здесь нет решения на уровне норм – оно делегируется на индивидуальный уровень» [3, 11]. Личность в этой парадигме в полной мере реализует свои права, не перекладывает свою ответственность на формальные нормы или институты, принимает решение творчески, нешаблонно, с учетом локальной специфики и всех обстоятельств дела. Однако и опасность ошибки в этом случае существенно выше: «Свободный субъект, принимая решение в нестандартных ситуациях выбора, рискует; современное общество характеризуют как “общество риска” и на этом основании» [8, 16].

Если объектом этого риска является только сам индивид, риск можно назвать морально оправданным, а в некоторых обстоятельствах – даже благотворным. Однако если под угрозой оказывается большое количество людей, тем более все человечество, то очевидно, что такие решения не могут быть результатом сугубо личного выбора, не учитывающего мнения других.

Другой причиной того, почему вопросы, связанные с рисками, нельзя делегировать на индивидуальный уровень, является комплексность и многоуровневость современной деятельности. Нередко моральная ответственность настолько сильно расплывлена, рассредоточена среди огромного количества действующих лиц, что индивид

не чувствует вину за последствия своих действий. Возможно, в таких случаях основными субъектами ответственности должны выступать организация, корпорация, государство и т.д.

В целом, нельзя не признать, что ни этика личного выбора, ни организационная этика при всех их важности сами по себе не способны эффективно справиться с рисками современного общества. Инновационная прикладная этика требует механизмов преодоления как личностного волюнтаризма, так и отчуждения индивида от самостоятельного морального выбора.

Как представляется, важным отличием прикладной этики от предшествующих этических теорий является ориентация деятельности индивида не столько на большинство (как в доиндустриальном обществе) или на себя самого (как в индустриальном), сколько на конкретного Другого. В диалогизме Эммануэля Левинаса этика как таковая выводится из незащищенности лица Другого: «Эпифания абсолютно Другого – это лицо, им Другой окликает меня и, в своей обнаженности и нужде, объявляет мне свое повеление. Само его присутствие требовательно взывает к ответу. А Я не просто осознает необходимость ответить, как то было бы в случае частного обязательства, долга, о котором следовало бы принять решение. Оно в самом своем положении есть насквозь ответственность» [18, 171]. В этом смысле современная этика риска есть этика ответственности, а потребность помочь Другому в его несчастье признается приоритетнее удовлетворения любых желаний «Я» и «Мы» максимизировать свое удовольствие.

Собственно, прикладная этика возникает в ситуации «после Освенцима», «после Нюрнберга», как реакция на страдания Других, как попытка защитить их права от насилия общества, государства, науки. В фокусе современной прикладной этики – наиболее уязвимые и дискриминируемые, больше всего подверженные рискам люди (и не только люди): жители экологически неблагоприятных регионов, смертельно больные и умирающие, потребители опасных для жизни товаров, жертвы пандемий и войн, животные и природа в целом и т.д. Если для традиционной этики выбор – это всегда выбор в пользу коллективного «Мы», которое всегда право, а для индустриальной – в пользу «Я», демонстрирующего свою успешность, то сегодня это выбор в пользу страдающего «Ты», помощь другим в преодолении несчастья вопреки всем коллективным и личным выгодам (тем более, что выгоды эти в обществе риска временны, а потери имеют свойство постепенно распространяться на всех, включая первоначальных бенефициариев).

Другая проблема связана с характером норм. В этике организации моральные нормы даны индивиду в готовом виде: как стандарты, регламенты, кодексы. В индивидуальной этике личность сама принимает решения в ситуации отсутствия единых норм. В.И. Бакштановский предлагает при решении этой проблемы возвратиться к идее Аристотеля о *фронезисе* (рассудительности): «Идея фронезиса – один из гносеологических и социокультурных идеалов этико-прикладного знания, не просто профилирующий риск его технократической интерпретации при освоении достижений проектно-ориентированного знания, но и дающий основание для интерпретации технологий приложения этического знания как этического ноу-хау... Идея фронезиса эвристична не только в процедуре применения нормы к конкретной ситуации, в чем, кстати, весьма успешна модель этики как практической философии, но и в проектировании технологий прикладной этики» [10, 28].

Использование «фронестических технологий» (этических экспертизы, консультирования, моделирования, ситуационного анализа и т.д.), полагает В.И. Бакштановский, позволяет доверить субъекту «риск морального выбора и ответственность за его последствия, решений в ситуации неопределенности, рискованности выбора, противоречивости его последствий при предпочтении любой альтернативы; чаще всего – ситуации нравственного конфликта. Глубина противоречия, масштаб риска, мера ответственности и прочие признаки проблемной ситуации морального выбора требуют особой компетентности и, соответственно, такой технологии выбора из альтернативных вариантов, как экспертиза» [11, 66]. Здесь субъект не пользуется готовым знанием и не принимает решение, руководствуясь только собственными желаниями, а в диалоге с экспертами (этиками и специалистами в соответствующей области) пытается найти наилучшее применительно к конкретной ситуации решение конкретной проблемы. Такую же функцию выполняет и этическое консультирование – форма деятельности, которая не транслирует готовое знание о нормах, а сама способствует выработке норм с учетом этого знания. В ходе такого диалога формальные нормы приспособляются к специфике ситуаций, а субъект фактически занимается моральным нормотворчеством, пытаясь понять, как можно лучше всего выразить «дух» нормы (иногда даже вопреки ее «букве»). Обе ипостаси этики – теоретическая и практическая – в этой деятельности переплетаются, образуя специфический двойственный образ прикладной этики.

Особое место в ряду «фронестических технологий», занимает этическое моделирование. Одной из форм которого является дело-

вая этико-прикладная игра, методология которой в рамках развития проектного, диагностического и прогностического подходов разработана и отработана на практике тюменской этической школой. Игра в этом ее понимании позволяет за короткое время «пережить» различные варианты морального выбора, в условном виде реализовать многие модели деятельности и прогнозы, нереализуемые в реальной жизни. Условность игры должна защитить ее участников «от последствий того риска, на который они идут при том или ином выборе модели. Именно риска, ибо игра – социальное изобретение для освоения нового, для приобретения опыта, в котором нет учителей, это социально-технологическая лаборатория, в которой «исследователь» и «объект» – в одном лице, это – эксперимент на самих себе» [5, 177]. Игра – это одновременно и фронтестическая технология прогнозирования будущего и способ получения особых этических знаний-умений, способствующих активному индивидуальному нормотворчеству.

Сам факт обращения к аристотелевскому фронецизму свидетельствует о том, что для того, чтобы справиться с рисками, современная этика может плодотворно использовать модели, выработанные на ранних этапах развития общества. Действительно, цели традиционной этики и постиндустриальной похожи – та и другая ориентированы не на успех, а на выживание. Однако между ними существуют и важные различия. Доиндустриальная этика располагала всеобъемлющей системой норм, выработанных многими поколениями предшественников. Постиндустриальная этика вынуждена такую систему конструировать с учетом возможных новых угроз существованию всего человечества: с этой точки зрения она, в отличие от традиционной модели – обращена в будущее и инновационна.

Применительно к объекту ответственности эта инновационность проявляется в смещении фокуса ответственности с коллектива и личности на конкретного Другого. Хотя теоретически объектом заботы в условиях «больших рисков» является все человечество, основное внимание все же уделяется наиболее уязвимым Другим: тем, кто первыми оказываются под ударами глобальных угроз. В судьбах жертв войн, экологических проблем, эпидемий и т.д. проявляется будущее всего человечества. Если ничего не предпринимать, вероятность такого глобального будущего будет повышаться с каждым годом. Основным ориентиром для ответственности здесь является принцип минимизации риска (в духе, близком к приоритарианизму).

В отношении субъекта ответственности прикладная этика пытается объединить организационные моральные стандарты с индивидуальным выбором при помощи внедрения «фронтестических тех-

нологий» – этико-прикладных игр, консультирования, экспертизы, комитетов, где, с одной стороны, происходит обсуждение теоретических норм и их конкретизация применительно к локальным особенностям, а с другой – в ходе практической реализации этих технологий очерчиваются контуры теории прикладной этики. Возможно, из этих теорий постепенно сформируется «новая традиция», которая, в свою очередь, будет задавать ценностно-нормативные основания для морального воспитания.

В целом, инновационная парадигма, предложенная тюменской этической школой, демонстрирует взвешенный подход к морали, позволяющий совместить самые важные элементы социально-управленческой этики и этики индивидуального морального выбора, этической теории и моральных практик. При этом, сохраняя свою идентичность, она остается открытой для диалога с другими, в том числе альтернативными точками зрения на прикладную этику. Тенденции развития прикладной этики позволяют говорить о том, что инновационная парадигма обладает высоким потенциалом для выработки нормативных решений по преодолению «больших рисков» современности.

Список литературы

1. *Аристотель*. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. *Бакштановский В.И.* Журналист как субъект морального выбора // *Оправдание морали*. М., Тюмень: НИИ ПЭ, 2000. С. 73–92.
3. *Бакштановский В.И.* Парадигмы прикладной этики: экспертиза ситуации в этико-прикладном знании и приглашение к рефлексивному самоопределению (программа экспертного опроса) // *Ведомости прикладной этики*. № 35. 2009. С. 7–16.
4. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика для магистрантов и профессоров: концептуальный замысел инновационного курса // *Ведомости прикладной этики*. № 38. 2011. С. 201–256.
5. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров. Ч.2. Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. 268 с.
6. *Бакштановский В.И.* Современная прикладная этика: экстенсивная модернизация «практической философии» и/или инновационная парадигма? // *Практична філософія*. 2010. № 2 (36). С. 14–24.
7. *Бакштановский В.И.* Этика успеха: от идейно-нравственной доктрины – к проектно-ориентированной конкретизации в ценностях высоких профессий // *Этическая мысль*. 2016. Т. 16. № 2. С. 123–141.
8. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Гражданское общество: этика публичных арен. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004. 268 с.

9. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Успех // *Ведомости прикладной этики.* № 26. 2005. С. 254-275.
10. *Бакштановский В. И., Согомонов Ю.В.* Прикладная этика: лаборатория ноу-хау. Том 1. Испытание выбором: игровое моделирование как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики. Тюмень: ТюмГНГУ, 2009. 292 с.
11. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Прикладная этика: рефлексивная биография направления. Тюмень: ТюмГНГУ, 2007. 196 с.
12. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ ПЭ, 2005. 378 с.
13. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
14. *Васильевне Н.* Экологическая этика как фактор управления риском // *Экологический вестник.* 2007. № 3. С. 105–110.
15. *Гаврилов К.А., Красавина Л.Н.* Риск // *Большая российская энциклопедия.* Том 28. М.: БРЭ, 2015. 566 с.
16. *Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004. 120 с.
17. *Гоббс Т.* Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
18. *Левинас Э.* Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 264 с.
19. *Прокофьев А.В.* Мораль, вероятность и риск // *Философский журнал.* 2019. Т. 12. № 2. С. 5–19.
20. *Athanassoulis N., Ross A.* A virtue ethical account of making decisions about risk // *The Journal of Risk Research.* 2010. Vol. 13 № 2. P. 217–230.
21. *Hansson S.* The Ethics of Risk. Ethical Analysis in an Uncertain World. NY.: Palgrave Macmillan, 2013. 172 p.
22. *Kotarbiński T.* Utylitaryzm a etyka litości // *Kotarbiński T.* Wybór pism. Warszawa: PWN, 1957. Т. 1. S. 178–185.
23. *Scott J.* The Moral Economy of the Peasant. Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 1976. 246 p.

